

«Вам, разумеется, известно, но среди слушателей наверняка найдутся и те, кто не в курсе. Позвольте мне, старцу, поведать всё по порядку. Что касается этих трёх разбойников с божественными клинками, то назвать их одиозными личностями — вовсе не клевета. Трое те были побратимами, поначалу промышляли речным разбоем на водных путях Цзянлина. А после того как тамошних речных бандитов усмирили и взяли на службу власти, они перебрались на наши Центральные равнины и стали ворами. Мало того что воровали — так ещё и грабили! Полагаясь на своё боевое мастерство, притесняли народ, отнимали жизни, вызывая всеобщее презрение. Все трое слыли мастерами длинного меча. Старший брат владел клинком из отменной стали, звался тот меч Конерубом — говорят, одним взмахом мог разрубить скакуна. Второй брат, со шрамом на лице, использовал тонкий клинок. А остёр он был до чего — резал железо, словно масло, и перерезал волосок, едва на него дунешь. Третий же брат держал в руках обычный железный меч, но был он самым опасным из всей троицы. А почему, спросите вы? Почему? Потому что голова у него работала исправно — он-то и был истинной главой шайки!»

Что и говорить — у сказителя язык подвешен отменно. Целую тираду выпалил без единого глотка воды, дыхания хватило бы иному мастеру боевых искусств. В мире ремесленников много, даже среди рассказчиков есть свои знаменитости.

«Горький даос наказал им идти большой дорогой, а не тропами. И что же вы думаете? Всего пару дней назад эти трое наткнулись на того, кто их круче, — и были убиты. Как раз на тропе. Взмах меча — и готово, без лишних слов! Скажите, разве не могущественен Горький даос? Его железное слово решает судьбы. Говорят, в мире боевых искусств троица с божественными клинками была весьма искусна, но как же так вышло, что они угодили прямо на пути истинного великого мастера, который одним ударом покончил с тремя знатоками меча? По моему, старцу, такова была их судьба. Как гласит старая поговорка: «Кто зло сеет, тот беду и пожинает». Вот именно—»

Здесь сказитель сделал паузу, намеренно растягивая интригу, и с грохотом ударил деревянной планкой по столу:

«Горький даос, прорицатель, изрёк приговор; три разбойника, совета не вняв, — на-пра-сную гибель!»

«Браво!»

Красноречие рассказчика привело публику в восторг, и в зале тут же раздались одобрительные возгласы.

Прозвучал медный гонг, и ученик сказителя с денежным мешочком принялся собирать подаяния, без устали бормоча: «Благодарим, господин, благодарим».

Подойдя к столику в углу, он не получил ничего.

«Гхм!» — в уголке чайной фыркнул мужчина с резкими, недобрыми чертами лица. Не протягивая монет, он лишь угрюмо уставился на юного сборщика, едва не напугав того до смерти.

Зато его сосед, одетый в зелёный холщовый халат, тихонько рассмеялся — то ли над скупостью сотрапезника, то ли над робостью мальчишки. Неспешно достал он из рукава серебряный обломок и швырнул его в мешок с звонким стуком. По звуку было ясно — не менее двух лянов.

«На, возьми. Не дай этот живой Яма тебя до смерти напугать».

Посетитель в зелёном халате обладал приятной, располагающей внешностью, в отличие от своего угрюмого спутника. Глаза его, точно цветы персика, когда он улыбался, будто цепляли крючком, заставляя подойти поближе. Даже когда лицо его становилось серьёзным, оно не пугало, а напоминало лик только что водружённого на алтарь божества.

Ученик, получив деньги, принялся кланяться и сыпать благопожеланиями: «Благодарим, господин, благодарим! Да пребудет с вами удача и богатство, да будет жизнь ваша полна счастья, да родится у вас наследник...»

Угрюмый мужчина смягчился: «Малый несуразно говорит».

Тот, в зелёном, швырнул в рот арахис и с хрустом раздавил его: «Что ж, наследника мне не видать — я ведь ещё не женат. А вот богатство... его я приумножаю изо дня в день».

«Разбогател, а домой возвращаться не хочешь? Предпочитаешь тут слушать всякий вздор?»

«А что? Не веришь сказителю? Или Горькому даосу?» — Человек в зелёном прикрыл лицо чашкой и тихо спросил.

«Эти трое сами на свою погибель напоролись. Кто по краю пропасти ходит, тот рано или поздно сорвётся. Горький даос просто воспользовался ситуацией для самопиара, а теперь его восхваляют. Смех один!»

Тот в зелёном покачал чашкой, отхлебнул и усмехнулся: «О? Неужели Горького даоса в грош не ставишь? А веришь, что он предсказал тебе с ним сегодня встретиться?»

«Не нужно». — Мужчина швырнул на стол несколько медяков, схватил лежавший рядом меч и поднялся, словно торопился сбежать. На прощанье дёрнул за полу халата зелёного соседа, давая знак следовать за ним.

Тот пошатнулся, лениво собрал свои пожитки со стола и сунул горсть арахиса в карман.

«Эй, какой горделивый! — Кто-то из соседей, наблюдавший за сценой, подошёл к человеку в зелёном и, пока тот не ушёл, толкнул его в бок. — Слушай, а тот парень — кто?»

«За гадание — двадцать лянов!»

«Ты что, Горький даос? Говори быстрее!»

«Скажу — помрёшь со страху! Это же...» — Человек в зелёном наклонился к его уху, и тому почудилось дуновение ветерка. Когда он опомнился, зелёный халат уже был за порогом чайной, его силуэт мелькнул в нескольких чжанах впереди, но голос донёсся словно издалека: «Возрожденный Яма».

Ответ этот прозвучал уже не шёпотом. Слова «Возрожденный Яма» упали, как капля воды в раскалённое масло, мгновенно вызвав бурное обсуждение.

«Кто? Кто? Возрожденный Яма здесь был? Генерал-защитник государства Юань Сяо?» — Услышав эти слова, посетители чайной встревожились и зашумели.

«Возрожденный Яма?»

«Тот, после кого не остаётся живых?»

«Тогда почему я ещё жив?»

«Врёт, наверное... Этот Яма — человек власти, разве стал бы он в такое место приходиться?»

Лишь тот, кто задал вопрос, смотрел на свои ладони, и голос его дрожал: «Горький... Горький даос...»

(Вторая часть)

«Юань Сяо! Юань Сяо! Эй, Юань Второй! Куда ты так мчишься? Словно за тобой псы гнались». — Тан Юань выскочил из чайной и бросился вдогонку за Юань Сяо.

Оба обладали редчайшим мастерством лёгкой поступи. Если искусство Тан Юаня было подобно призрачному дуновению, неуловимому и заставляющему гадать, не сошёл ли с небес небожитель, то мастерство Юань Сяо заключалось в простоте — лишь в скорости.

Насколько же быстрый?

В мире боевых искусств говорили: шаги Возрожденного Ямы подобны полёту птицы, но даже птица, взмахнув крыльями, не успеет за его единственным прыжком.

Но именно из-за этой простоты мало кто мог за ним угнаться. С тех пор как он начал изучать боевые искусства, прошло более двадцати лет, и день за днём он оттачивал это скучнейшее умение. Мало кто мог его догнать, но среди тех, кто мог, был и Тан Юань, владевший Шагом, пронзающим облака.

Если лёгкая поступь Юань Сяо была подобна птице, то Тан Юань был ветром, что пронизывает залы, — дуновением, проносящимся мимо, лёгким облачным ветерком, что мечется с востока на запад, и никто не в силах его ухватить.

Юань Сяо спрыгнул с дерева прямо позади Тан Юаня, заставив того вздрогнуть. Он громко рассмеялся, но затем лицо его вновь стало серьёзным. «Ага, верно. За мной увязалась одна паршивая собака».

«Эй, стоит ли так язвить? Слова-то какие обидные. Я просто домой не хочу возвращаться — невелика беда. По-моему, в столице и без меня спокойнее. Неужели ты хочешь, чтобы я вернулся и стал бездельником?»

<http://bllate.org/book/16265/1463472>